

Почтальон всегда звонит дважды (сборник)

Автор:

Джеймс Кейн

Почтальон всегда звонит дважды (сборник)

Джеймс Маллахэн Кейн

Эксклюзивная классика (АСТ)

От любви до ненависти один шаг. Герои романов Кейна знают это не понаслышке. Ради новой счастливой жизни они готовы поддаться ослепляющей страсти и нарушить все табу общественной морали – даже если требуется убить человека. Но приведет это решение к долгожданной свободе или к краю пропасти?

«Почтальон всегда звонит дважды» и «Двойная страховка» – истории о любви, предательстве и коварном бумеранге судьбы, ставшие классикой жанра нуар.

Джеймс Кейн

Почтальон всегда звонит дважды (сборник)

James Mallahan Cain

THE POSTMAN ALWAYS RINGS TWICE

DOUBLE INDEMNITY

Печатается с разрешения издательства Alfred A. Knopf, an imprint of The Knopf Doubleday Group, a division of Penguin Random House, LLC.

© James M. Cain, 1934, 1936

© Copyright renewed by James M. Cain, 1962, 1964

© Школа перевода В. Баканова, 2018

© Перевод. Н. Рейн, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Почтальон всегда звонит дважды

Посвящается

Винсенту Лоуренсу

Глава 1

Из грузовика с сеном меня вытряхнули примерно в полдень. А забрался я туда еще с вечера, недалеко от границы, и как только влез под брезент, тут же захрапел.

Хотелось отоспаться – после трех-то недель в Тихуане, – вот я и отсыпался. Машину тем временем остановили, чтобы поостыл мотор. У меня нога торчала из

сена, потому меня заметили, ну и согнали. Я пытался было хохмить, но это не прокатило: хоть бы кто улыбнулся. Ладно сигареткой угостили; с тем я и двинул дальше в поисках, где перекусить.

И набрел на «Два дуба». Обычное придорожное заведение, каких в Калифорнии без счета. Закусочная, а над ней – комнаты хозяев. Неподалеку бензозаправка и рядок хибар, который тут назывался мотелем.

Я вбежал в закусочную, будто запыхавшись, и глаз не сводил с дороги. Когда появился хозяин-грек, я спросил, не проезжал ли тут парень на «кадиллаке». Он, дескать, должен был меня забрать, а сначала накормить обедом. Сегодня – не проезжал, сказал грек. Он принялся накрывать на стол и спросил, что мне принести. Я заказал апельсиновый сок, кукурузные хлопья, яичницу с беконом, мексиканские блинчики энчиладос[1 - Энчиладос – традиционное блюдо мексиканской кухни, которое представляет собой тонкую лепешку из кукурузной муки, в которую завернута начинка (мясо или овощи).], оладьи и кофе. Вскоре он притащил сок и хлопья.

– Погодите-ка! Я вас должен предупредить. Если мой приятель не появится, вам придется поверить мне в долг. Расплатиться должен был он, а то я немного поиздержался.

– Ладно уж, заправляйся давай.

Грек явно был не против, и больше я не заливал про приятеля в «кадиллаке». И скоро сообразил: ему от меня что-то нужно.

– А чем ты занимаешься, что умеешь, а?

– Да все понемножку, то за одно берусь, то за другое. А что?

– Лет тебе сколько?

– Двадцать четыре.

– Молодой совсем. Мне бы сейчас пригодился молодой парень. Помощник.

– У вас тут ничего местечко...

– А воздух какой чистый! Это тебе не Лос-Анджелес, где не продохнуть.

– Ночью, наверное, и вовсе шикарно. Уже сейчас чувствуется.

– И спится тут отлично. В машинах разбираешься? Ремонтировать умеешь?

– Еще как! Я прирожденный механик.

Он толковал про воздух, и как поздоровел с тех пор, как купил здесь мотель, и что ума не приложит, отчего это работники у него не задерживаются. Я-то мог бы объяснить, отчего, да только приналег на еду.

– Ну? Как считаешь, тебе здесь понравится?

Я как раз допил кофе и раскурил сигару, которую он принес.

– Вот что я вам скажу. У меня есть еще пара предложений – в этом вся загвоздка. Но я подумаю. Уверен, я все улажу.

И тут я увидел ее. Она была в кухне, а теперь вышла забрать тарелки. Не такая уж сногшибательная красotka, хотя и фигуристая; чем-то недовольная, она так надула губки, что прямо хотелось в них впиться.

– Познакомься с моей женой.

Та на меня и не взглянула. Я кивнул греку, переместил во рту сигару – и только. Женщина унесла тарелки, как будто ее и не было.

Потом я ушел, но через пять минут вернулся – оставить записку «парню в «кадиллаке». Полчасика поломался, прежде чем согласиться на работу, а вскоре уже заклеивал на заправке старые шины.

– Эй, как тебя зовут?

– Фрэнк Чемберс.

– А я – Ник Пападакис.

Мы пожали друг другу руки, и грек ушел. Через минуту я услышал, как он что-то напевает. Голос у него был шикарный.

С заправки хорошо просматривалась кухня.

Глава 2

Около трех заехал к нам один клиент, злой как черт: ему залепили рекламой солнцезащитный щиток.

Мне пришлось забрать стекло в кухню, чтобы отпарить наклейку.

– О, энчиладос делаете? Да, кому, как не вам, уметь их готовить!

– Кому это – «вам»?

– Ну вам и мистеру Пападакису. Те, что мне подали на обед, были просто объеденье.

– А-а.

– У вас тряпки не найдется? Нужно щиток над паром подержать.

– Вы ведь не это имели в виду.

– Как раз это.

– Вы подумали, что я мексиканка.

– Да ничего подобного.

– Подумали, подумали. Не вы первый. Вот, держите. Я такая же белая, как вы, ясно? И пускай волосы у меня темные и я немного похожа на мексиканку, но я белая, не хуже вас. Усвойте это, если хотите здесь жить.

– Вы на них вовсе и не похожи.

– Я же вам и говорю...

– Ну какая из вас мексиканка? У мексиканок огромный зад, ноги кривые, здоровенная грудь, темная кожа, а волосы как будто нарочно салом намазаны. Вы совсем не такая. Вы стройная, и кожа у вас светлая и нежная, а волосы хоть и черные, но мягкие и волнистые. Одно только у вас как у мексиканки – зубы. У них у всех белоснежные зубы, надо отдать им должное.

– Моя девичья фамилия – Смит. Не очень-то похожа на мексиканскую, верно?

– Не очень.

– Скажу больше – я вообще не отсюда. Я из Айовы.

– Смит, ясно. А зовут вас как?

– Кора. Можете, если хотите, звать меня по имени.

Я-то сразу понял, в чем дело. Не в энчиладос и не в черных волосах. Все дело было в муже-греке; это из-за него она не чувствовала себя белой женщиной, и еще она боялась, как бы я не стал называть ее «миссис Пападакис».

– Кора. Отлично. Как насчет того, чтобы называть меня Фрэнк?

Она подошла и начала мне помогать. Стояла так близко, что я чувствовал ее запах. И я сказал ей прямо в ушко, почти шепотом: «Ну и как тебя угораздило выйти за грека?»

Она подскочила, словно ее хлыстом ударили.

– А тебя это касается?

– Да. Еще как.

– Забирай свой щиток.

– Спасибо.

Я ушел. Я пробил ее оборону – основательно, до боли. И теперь у нас есть общая тайна. Может, она и не скажет «да», но и не заложит меня. Она отлично все поняла, и поняла, что я ее раскусил.

* * *

Вечером, за ужином, грек разозлился на Кору – она отказалась добавить мне жареной картошки. Ему хотелось, чтобы мне у них понравилось и чтобы я не ушел, как все прочие.

– Дай парню чего-нибудь поесть.

– Еда на плите. Он сам не может взять?

– Да все нормально. Я еще не доел.

Однако Ник уперся. Будь у него хоть капля мозгов, дотумкал бы, что это неспроста – не такая она женщина, чтобы заставлять парня самого еду накладывать. Но он был глуповат и все брюзжал. Мы сидели за кухонным столом – они друг напротив друга, а я в середине. Я на нее и не смотрел. Хотя платье заметил. Такой белый форменный халатик, в каких щеголяют медсестры или продавщицы в кондитерской. С утра он был чистый, а теперь немного измялся и потерял свежесть. Я опять чувствовал ее запах.

– Да ради бога!

Она поднялась, чтобы положить мне картошки. Халатик внизу чуть распахнулся, и мелькнула нога. Кора принесла картошку, но есть я уже не мог.

– Ну вот, он теперь еще и есть не желает!

– Съест, коли захочет.

– Я не хочу. В обед сильно наелся.

Ник вел себя так, словно одержал важную победу, и теперь был готов великодушно простить жену – такой крутой парень.

– Она у меня хорошая. Моя маленькая беленькая птичка. Голубка моя белая...

Ник подмигнул и стал подниматься по лестнице. Мы остались вдвоем и не проронили ни слова. Потом он вернулся с большой бутылкой и гитарой. Налил мне, но это оказалось сладкое греческое вино, и от него у меня в животе появилась какая-то тяжесть. Ник запел. У него был тенор – не слабенький тенорок, как те, что поют по радио, а сильный, и верхние ноты выходили слегка рыдающие, как на пластинках Карузо. Впрочем, я уже не мог слушать. Мне сделалось совсем худо.

Грек увидал, какое у меня лицо, и потащил на улицу.

– На воздухе станет лучше.

– Да я нормально...

– Сядь. Посиди спокойно.

– Идите домой. Я просто переел за обедом.

Он ушел, а меня вырвало. И черта с два виноват был обед, или картошка, или греческое пойло. Просто я так сильно хотел эту женщину, что желудок у меня ничего не принимал.

* * *

На следующее утро мы обнаружили вывеску на земле. В полночь поднялся ветер, а к утру началась буря – ну и сорвала ее.

– Ужас! Ты только погляди!

– Ветер был очень сильный. Я всю ночь не спал.

– Ветер-то ладно. Смотри на вывеску.

– Отвалилась.

Я пошел ее ремонтировать, а Ник то и дело выходил поглазеть.

– Откуда она у вас такая?

– Была здесь, когда я купил мотель. А что?

– Да паршивая. Удивляюсь, как у вас вообще бизнес идет.

Тут я ушел заправить машину клиента и оставил Ника поразмыслить над моими словами. Когда вернулся, он так и стоял, хлопая глазами, возле прислоненной к стене вывеске. Три лампочки на ней разбились. Я подключил ток – половина вообще не горела.

– Вкрути новые лампы и повесь – вот и ладно будет.

– Вам виднее.

– А что такое?

– Ну она... устарела уже. Теперь нигде таких не найдешь. Везде вешают неоновые. Они и на вид покрасивей, и электричества столько не жрут. И потом – что это за надпись? «Два дуба» – и все. Про закусочную – ни слова. От подобной рекламы аппетит не разгуляется. Человек не захочет остановиться и что-нибудь

съесть. Такая вывеска приносит вам убыток, хоть вы этого и не замечаете.

– Поменяй лампы – и ладно.

– Почему не повесить новую?

– Некогда мне.

* * *

Очень скоро, однако, Ник пришел с листом бумаги. Нарисовал новую вывеску и раскрасил красными и синими мелками. Там упоминались и «Два дуба», и «еда», и «барбекю», и «опрятные опартаменты», и «владелец Н. Пападакис».

– Роскошно. У всех челюсти поотвиснут.

Я исправил ошибки, а он добавил к буквам завитушек.

– Ник, чего ради тогда вешать старую? Почему бы вам прямо сегодня не поехать в город и не заказать вот такую? Настоящая красота, можете мне поверить. Это очень важно. Вывеска – лицо заведения, согласны?

– Так и сделаю. Ей-богу, сделаю!

* * *

До Лос-Анжелеса было миль двадцать; Ник разоделся так, будто собирался в Париж, и отправился сразу после завтрака. Как только он уехал, я запер переднюю дверь. Потом взял со стола неубранную тарелку и понес в кухню. Кора была там.

– Вот. Тарелка осталась.

– Спасибо.

Я поставил тарелку – лежавшая на ней вилка задребезжала, словно бубенчик.

– Я тоже думала поехать, но у меня тут полно готовки, – и решила не ездить.

– Да и у меня много работы.

– Вам уже лучше?

– Все нормально.

– Иногда расстройство бывает из-за какой-нибудь ерунды. Например, другая вода, или вроде того.

– Наверное, переел за обедом.

– Что это?

Кто-то ломился в дверь.

– Видимо, хотят войти.

– А дверь заперта?

– Кажется, я ее запер.

Она посмотрела на меня и побледнела. Пошла в зал, но через минуту вернулась.

– Уехали.

– Сам не знаю, зачем я ее запер.

– А я позабыла открыть... – и Кора двинулась обратно, но я ее остановил.

– Давай не будем открывать.

– Если будет заперто – никто не сможет войти. А мне еще готовить нужно. И тарелку помыть.

Я обнял ее и впился губами в ее губы.

– Укуси меня! Укуси!

Я укусил. Так сильно, что ощутил вкус крови. И кровь текла у Кора по шее, когда я нес ее наверх.

Глава 3

Потом два дня я был словно пришибленный, однако грек на меня дулся и ничего не заметил.

А дулся он потому, что я не починил дверь из кухни в зал. Кора сказала, что ударилась о дверь – нужно же было объяснить, отчего у нее распухла губа. Виноват оказался я: не починил дверь. Тогда я ослабил пружину – вот и вся починка.

На самом-то деле Ник был не в себе из-за вывески. Он потерял от нее голову и даже боялся, как бы я не сказал, что идея моя, а не его. Да еще эту чертову вывеску не смогли сделать сразу, пришлось ждать три дня. Потом я забрал ее и повесил. На вывеске было все, что Ник нарисовал на листке, и кое-что еще. Греческий флаг, американский флаг, две руки в рукопожатии и надпись: «Качество гарантировано». Все это было написано красными, белыми и голубыми неоновыми буквами; я ждал, пока стемнеет, чтобы включить. Когда я повернул выключатель, вывеска засияла, как рождественская елка.

– Да, много я видал вывесок, но такой – ни разу. Нужно отдать вам должное, Ник.

– Ей-богу! Ей-богу!

Мы пожали друг другу руки и опять стали друзьями.

* * *

На следующий день, оказавшись на минутку с Корой наедине, я ткнул ее кулаком в бедро – да так, что чуть не сшиб с ног.

– Это еще чего?! – фыркнула она, словно пантера. Мне она такой нравилась.

– Как ты, Кора?

– Паршиво.

Меня опять стал преследовать ее запах.

* * *

Как-то раз Ник узнал, что один парень неподалеку продает по дешевке бензин. Он мигом прыгнул в машину и помчался запасаться. Я сидел у себя в комнате и уже хотел двинуть в кухню, но на пороге столкнулся с Корой. Я посмотрел на ее губы. Раньше-то случая не представлялось. Опухлость сошла, остались только крошечные синячки от моих зубов. Я потрогал их пальцем. Губы у нее были мягкие и влажные. Я поцеловал их – не сильно, а легко и нежно. Никогда раньше так не целовал.

Кора оставалась со мной, пока не вернулся грек, примерно час. Мы ничего не делали, просто лежали рядом. Она перебирала мои волосы и задумчиво смотрела в потолок.

– Ты пирог черничный любишь?

– Не знаю. Люблю, наверное.

– Я тебе испеку.

* * *

– Осторожней Фрэнк! Рессору[2 - Рессора (фр. ressort – пружина) – упругий элемент подвески транспортного средства, который служит для смягчения ударов и колебаний кузова в процессе движения, обеспечивая комфортную езду.] сломаеть!

– К чертям собачьим рессору!

Мы въехали в эвкалиптовую рощицу у дороги.

Ник послал нас в лавку – вернуть несколько бифштексов, которые, по его словам, никуда не годились. На обратном пути нас застигла темнота. Я съехал с дороги – машина подсакивала и тряслась – и остановился за деревьями. Не успел я потушить фары, как Кора уже заключила меня в объятия.

Мы много чего успели. Потом сидели в машине.

– Я так больше не могу, Фрэнк.

– И я.

– Это невыносимо. Мне нужно насытиться тобой, Фрэнк. Ты понимаешь, о чем я? Утолить свою жажду.

– Понимаю.

– Ненавижу этого грека!

– Почему ты за него вышла? Ты не рассказывала.

– Я тебе ничего не рассказывала.

– Да, на разговоры мы не отвлекались.

– Я работала в одной кафешке. Поработаешь пару лет в лос-анджелесской забегаловке – ухватишься за первого же парня с дорогими часами.

– А из Айовы когда уехала?

– Три года назад. Победила в конкурсе красоты. В выпускном классе, в Де-Мойне. Я там тогда жила. Первое место – поездка в Голливуд. Отхватила главный приз, кругом – фотографии... а через две недели уже работала в забегаловке.

– Домой не вернулась?

– Не хотелось доставлять им такое удовольствие.

– А в кино сниматься?

– Пробы проходила. С внешностью-то никаких проблем. Но там же теперь нужно говорить – в кино. И стоило мне на экране заговорить, как всем стало ясно, чего я стою... Жалкая дешевка из захолустья, у которой шансов стать актрисой столько же, сколько у обезьяны. Даже меньше. Обезьяна хотя бы рассмешить может. А от моей игры людей только тошнит.

– А потом?

– Потом два года парни щипали меня за ляжки, оставляли грошовые чаевые и звали прогуляться после работы. И иногда, Фрэнк, я с ними ходила.

– А дальше?

– Ты понимаешь, что значит «прогуляться»?

– Понимаю.

– Дальше... появился он. Я вышла за него замуж, думала, притерплюсь. Но больше не могу. Господи, разве я похожа на беленькую птичку?

– По мне, ты скорей из породы хищников.

– Что есть, то есть. Перед тобой мне незачем притворяться. И кожа у тебя хорошая и не блестит от жира. Фрэнк, ты хоть понимаешь, как это важно?

– Вроде могу представить.

– Вряд ли. Мужчина никогда не поймет, что это значит для женщины. Жить с потным и сальным типом, от которого тошнит, когда он до тебя дотрагивается. И вовсе я не хищница, Фрэнк, я просто больше не могу его терпеть.

– Это ты меня-то хочешь обдурить?

– Ладно, пусть. Пусть я хищница, только я могла бы быть совсем другой. С парнем, который не лоснится от жира...

– Кора, как насчет того, чтобы со мной уехать?

– Я об этом думала. Много думала.

– Плюнем на твоего грека и рванем отсюда. Рванем – и все.

– Куда?

– Куда угодно. Какая разница?

– Куда угодно, куда угодно... А это вообще где?

– Да повсюду. Где мы сами захотим.

– Нет. Это в дешевой забегаловке.

– Я не предлагаю забегаловку, я предлагаю дорогу. Дорога – это здорово! Уж я-то знаю дорогу, как никто. Каждый поворот, каждую кочку. И как по ней идти. Разве нам такое не подходит? Стать парочкой бродяг, какие мы и есть на самом деле?

– Ты-то настоящий бродяга. У тебя даже носков не было.

– Но тебе я понравился.

– Еще как. Понравился бы, не будь у тебя и рубашки. Без рубашки – даже лучше: плечи у тебя такие крепкие и широкие.

– Потасовки с охранниками на железной дороге помогают развивать мускулатуру.

– У тебя вообще сильное тело. Большое и сильное. И волосы светлые. Ты – не дряблый сальный коротышка с курчавыми волосами, который мочит их на ночь одеколоном.

– Наверное, приятно пахнет.

– Ничего у нас не выйдет, Фрэнк. Эта дорога никуда не ведет, разве что опять в дешевую закусочную. Забегаловка – для меня, и какая-нибудь черная работа – для тебя. Паршивая работа на заправке, где нужно ходить в комбинезоне с надписью «Мы вам всегда рады». Фрэнк, если я тебя увижу в рабочем комбинезоне, я просто разревусь.

– Ну и?..

Она долго сидела, сжимая мою руку.

– Фрэнк, ты меня любишь?

– Да.

– Так сильно, что все остальное не важно?

– Да.

– Есть один способ...

– Ты вроде говорила, ты не хищница?

– Говорила, причем серьезно. Я вовсе не такая, как ты думаешь, Фрэнк. Я хочу работать, хочу чего-то стоять – вот и все. Только без любви это невозможно.

Понимаешь? По крайней мере для женщины. Да, я совершила ошибку. И приходится вести себя как хищница, чтобы ее исправить. На самом деле я не такая.

– Нас могут повесить.

– Нет, если все сделать как следует. Ты умный, Фрэнк, ты сразу меня раскусил. Ты придумаешь способ. Я не первая женщина, которой приходится стать хищницей, чтобы выпутаться из беды.

– Он мне ничего не сделал. Он не злой.

– Наплевать, что он не злой. Говорю тебе – от него воняет. Он сальный и вонючий. Думаешь, я позволю тебе нарядиться в рабочий комбинезон, в то время как у него четыре костюма и дюжина шелковых рубашек? Разве мотель – не мой наполовину? Разве я не готовлю? Или я готовлю плохо? А ты разве не работаешь?

– Тебя послушать – так это нормально.

– А кто узнает – нормально или нет, кроме нас с тобой?

– Ты и я.

– Именно. Не ты, я и дорога, а просто – ты и я.

– Наверное, ты все-таки хищница. Иначе не смогла бы внушить мне такие мысли.

– Поцелуй меня, Фрэнк. В губы.

Я поцеловал Кору. Ее глаза сияли, словно голубые звезды. Я как будто очутился в церкви.

– Горячая вода найдется?

– А в ванной?

– Там Ник купается.

– Ах да. Я налью вам из котла. Ник любит нагревать полный бойлер, когда купается.

Мы репетировали, как будем потом все рассказывать.

Было около десяти, мы уже закрылись, Ник принимал ванну, как обычно по субботам. Мне понадобилась горячая вода для бритья, потом я вспомнил, что не загнал машину в гараж. Я выхожу наружу, стою рядом с машиной, готовый посигналить, как только кто-нибудь появится. Кора ждет, пока он залезет в ванну, заходит взять полотенце и бьет его по голове мешочком, в который я заранее положил несколько подшипников.

Сначала я сам собирался его стукнуть, но мы подумали так: если зайдет Кора, Ник и внимания не обратит, а если зайду я – поискать, например, бритву, – он может вылезти из ванны, чтобы мне помочь.

Потом, значит, она держит его под водой, пока он не захлебнется, напускает на пол воды, вылезает в окно и спускается по лестнице, которую я заранее туда приставил. Отдает мне мешок и возвращается в кухню. Я складываю подшипники обратно в ящик, ящик убираю, ставлю машину в гараж, иду к себе и начинаю бриться. Кора ждет, пока с потолка потечет вода, и зовет меня. Мы выламываем дверь в ванную, обнаруживаем Ника, вызываем доктора. Он как будто поскользнулся в ванне, ударился головой и утонул. На этот план меня натолкнула статейка в газете, где говорилось, что большинство несчастных случаев происходит с людьми в ванной.

– Осторожно, горячо.

– Спасибо.

Я отнес кастрюльку с кипятком к себе, поставил на комод и положил рядом причиндалы для бритья. Затем спустился во двор и сел в машину так, чтобы видеть и дорогу, и окно ванной.

Ник распевал. Не мешало бы запомнить, какую он песню поет, подумал я. Он пел «Мама, милая». Спел один раз и завел по новой. Я посмотрел в кухню. Кора была еще там.

С трассы свернул грузовик, затем автофургон. Я положил палец на клаксон. Иногда водители грузовиков останавливаются у нас поесть, а это такой народ, что будут колотить в дверь, пока им не откроют. Но они проехали мимо. Потом еще пара машин. Не остановились. Я опять посмотрел в кухню. Кору там не было. Зажегся свет в спальне.

Вдруг у крыльца что-то мелькнуло. Я едва не нажал на клаксон, однако вовремя разглядел кошку. Обычная серая кошка, но как же она меня напугала! Только ее мне тут не хватало. Она на миг исчезла, потом опять появилась рядом с лестницей, что-то вынюхивая. Сигналить я не стал, поскольку кошка – не человек, но делать ей там было нечего. Я вылез и отпихнул ее ногой подальше от лестницы.

Не успел я вернуться в машину, как она снова появилась и полезла на лестницу. Я опять прогнал ее подальше. Прежде чем идти обратно к машине, постоял чуток. И тут как раз подкатил местный коп. Увидев меня, приглушил мотор и свернул к нам. Я и с места двинуться не успел. Он оказался между мной и машиной. Теперь я не мог посигналить.

– Отдыхаете?

– Вышел загнать машину.

– Ваша?

– Нет, хозяйская.

– Ясно. Я просто на всякий случай.

Он огляделся.

– Черт побери! Глядите-ка!

– Что?

– Кошка полезла на лестницу.

– А.

– Люблю кошек. Всегда-то они себе на уме.

Он надел перчатки, посмотрел куда-то в темноту, несколько раз нажал педаль – и уехал.

Едва он скрылся, я бросился сигналить. Но не успел. Над крыльцом что-то вспыхнуло, и во всем доме потух свет. Кора закричала дурным голосом:

– Фрэнк! Фрэнк!! Что случилось??

Я побежал в кухню; спичек в кармане не оказалось, пришлось пробираться наощупь. Мы столкнулись на лестнице, когда я поднимался, а Кора спускалась. Она опять вскрикнула.

– Тише ты, ради бога! Ты сделала?

– Да, только свет погас, и я не успела поддержать его под водой.

– Нужно его спасти! Здесь был коп, он видел лестницу!

– Позвонить доктору?

– Звони, а я его вытащу.

Она спустилась, я поднялся. Вошел в ванную. Ник лежал в воде, но голова была снаружи. Я принялся его вытаскивать. Вот уж я попотел: он был весь в мыле,

скользкий. Мне пришлось даже в ванну залезть.

Кора тем временем говорила с телефонисткой. С доктором ее не соединили. Соединили с полицией.

Я наконец поднял Ника, примостил на край ванны. Потом сам вылез, перенес его в спальню и уложил на кровать.

Пришла Кора, мы отыскивали спички и зажгли свечу. Занялись Ником. Я обмотал ему голову мокрым полотенцем, а Кора стала растирать руки и ноги.

– Мне сказали – нам вызовут «Скорую».

– Хорошо. Он понял, что это ты его?

– Не знаю.

– Ты подошла сзади?

– Кажется, да. Потом стало темно, и я не знала, в чем дело. Что ты сделал со светом?

– Ничего. Пробки полетели.

– Фрэнк... Хорошо бы он так и не очнулся.

– Он должен очнуться! Если он умрет – нам конец. Говорю же тебе – коп видел лестницу. Если Ник умрет, будет ясно, почему. Стоит ему умереть – нас посадят.

– Вдруг он меня заметил? Что он скажет, когда придет в себя?

– Может, и не заметил. Нужно придумать объяснение. Ты была в ванной, вдруг потух свет, и ты слышала, как Ник поскользнулся и упал, а когда ты его позвала – не ответил. Вот так. И неважно, что он скажет, стой на своем. Ему померещилось – и все!

– Где же носит эту «Скорую»?

– Приедут.

* * *

Приехала «Скорая», Ника уложили на носилки, сунули в машину. Кора поехала с ним, я – следом, на машине.

На полпути в Глендейл нам попался коп; он пристроился впереди «Скорой». Они неслись на всех парах, и я приотстал. Когда подъехал, Ника выгружали из машины под присмотром копа. Коп вдруг замер и уставился на меня. Это был тот самый!

Ника завезли внутрь, уложили на каталку и повезли в операционную. Мы с Корой ждали в холле. Подошла сестра, села рядом. Потом явился коп, и с ним еще сержант. Они с меня глаз не сводили. Кора рассказывала сестре, как все произошло.

– Я была там, в ванной, зашла взять полотенце, и вдруг щелчок, как будто выстрелили, – и свет погас. Ник упал – я слышала. Он перед этим как раз начал вставать, собирался включить душ. Я его зову – он не отвечает, а вокруг темнота, ничего не видно, и непонятно, что случилось. Я подумала, его током ударило. Потом Фрэнк услышал, как я кричу, и пришел, вытащил его, а я вызвала «Скорую». Не знаю, что бы я делала, не приедь они так быстро.

– На ночные вызовы они всегда торопятся.

– Я очень боюсь, что он сильно расшибся.

– Вряд ли. У нас теперь есть рентген, и по снимкам сразу будет видно. Вряд ли он сильно пострадал.

– Господи, хоть бы нет!

Копы молчали. Просто сидели рядом и смотрели.

Потом выкатили Ника; голова у него вся была забинтована. Его завезли в лифт, мы двинули за ним – Кора, я, сестра и копы. Ника подняли на этаж и отвезли в палату. И мы все тоже туда вошли. Стульев там было мало, и пока Ника укладывали, сестра принесла еще несколько. Мы уселись. Кто-то заговорил, но сестра велела соблюдать тишину.

Пришел доктор, осмотрел Ника и ушел. А мы все сидели и сидели. Пришла сестра – проверить, как там Ник.

– Похоже, приходит в себя.

Кора взглянула на меня, а я быстро отвернулся. Копы подались вперед – послушать, что скажет Ник. Он открыл глаза.

– Тебе лучше?

Он не ответил. Остальные тоже молчали.

Было так тихо, что я слышал, как кровь стучит в ушах.

– Ты не узнаешь свою жену? Стыдишься, наверное, что испугался как маленький, и упал, когда свет погас? Ты не хочешь со мной поговорить?

Ник силился что-то сказать, однако не мог. Сестра принялась его обмахивать. Кора взяла его руку и погладила. Минуту-другую он пролежал с закрытыми глазами, потом его губы шевельнулись, и он посмотрел на сестру.

– Стало... темно.

* * *

Потом сестра сказала, что ему нужен покой, и я отвел Кору вниз и усадил в машину. Не успели мы отъехать, как появился коп; он поехал за нами на мотоцикле.

– Фрэнк, он подозревает...

– Это тот самый. Он сразу почуял неладное, когда увидал меня там, на страже.

– Что делать будем?

– Не знаю. Все зависит от лестницы – врубится он или нет, для чего ее туда поставили. А куда ты дела мешочек с подшипниками?

– У меня в кармане лежит.

– Господи, да если бы они сразу тебя задержали и обыскали, нам пришел бы конец!

Я дал ей нож – распороть мешочек и вынуть подшипники. Затем велел перебраться назад, поднять сиденье и спрятать его там. Пускай кто и найдет – подумаешь, тряпка для протирки.

– Сиди там и поглядывай за копом. Я выкину подшипники в кусты, а ты следи, заметит он или нет.

Она стала смотреть, а я вел одной рукой, а другой с силой швырнул подшипник в окно, на другую сторону дороги.

– Он не увидел?

– Нет.

По одному я выбросил и остальные. Коп не заметил.

* * *

Мы вернулись домой еще затемно. Перед отъездом некогда было проверять пробки, не говоря о том, чтобы ввернуть новые. Когда я въехал во двор, коп меня обогнал и остановился.

– Надо бы взглянуть на пробки, приятель, – сказал он.

– Ладно. Я и сам собирался.

Мы пошли к дому, и коп включил фонарик. И сразу удивленно хмыкнул и нагнулся. На земле, задрав кверху лапы, валялась кошка.

– Вот жалость! Угробилась насмерть.

Он посветил фонариком на навес и на лестницу.

– Ну все понятно. Помните – мы стояли и смотрели на нее. Значит, она залезла по лестнице, сиганула на распределительный щит, и ее убило током.

– Верно. Вы едва успели отъехать. Шарахнуло, как из ружья. Я так и не успел загнать машину.

– Я «Скорую» встретил по дороге.

– Вы только-только скрылись из виду.

– Прыгнула с лестницы прямо на распределительный щит. Вон оно как. Бедные глупые твари, откуда им понимать про электричество, верно? Да уж, сэр, это выше их разума.

– Точно сказано.

– Вот так, значит. Угробилась насмерть. А красивая кошка. Помните, как она забиралась по лестнице? Никогда не видал такой красивой кошки.

– И расцветка симпатичная.

– Насмерть угробилась. Ладно, пора ехать. Теперь все ясно. Но проверить-то надо было, сами понимаете.

– Конечно, я понимаю.

– Тогда до встречи! До встречи, мисс!

– До встречи!

Глава 5

Мы не стали заниматься ни кошкой, ни предохранителями. Завалились в постель, и вот тут-то Кору и пробрало. Она заплакала, ее стало трясти, и часа два я ее не мог успокоить. Потом она лежала в моих объятиях, и мы разговаривали.

– Больше никогда, Фрэнк!

– Именно! Никогда!

– Мы, наверное, спятили. Просто спятили.

– Легко отделались. Чисто случайно.

– Это я виновата.

– Я тоже.

– Нет, я. Это все я затеяла. Ты не хотел. В следующий раз буду слушаться тебя. Ты – умный, ты не бестолочь, как я.

– Вот только следующего раза не будет.

– Точно. Никогда.

– Даже получись все как надо, уж копы докопались бы. Они всегда докапываются. Они же привычные. Посмотри, как быстро тот коп сообразил, что дело нечисто. У меня прямо кровь стынет в жилах. Едва он меня там заметил – мигом что-то почуял. Если он такой смывленный, какие у нас были бы шансы,

умри Ник?

– Да, хищница из меня никакая.

– Вот и я говорю...

– Как я перепугалась, Фрэнк!

– Да я и сам здорово струсил.

– Знаешь, чего мне больше всего хотелось, когда свет погас? Чтобы ты пришел. И чувствовала я себя никак не хищницей, а маленькой девочкой, которая боится темноты.

– Ну я ведь и пришел, так?

– Обожаю тебя. Если бы не ты, не знаю, что бы с нами было.

– Все ведь сошло гладко? Насчет того, что он поскользнулся?

– Он и сам поверил.

– Мне только дай шанс, с копами я всегда умел разговаривать. Нужно придумать хорошую историю – и готово дело. Чтобы не осталось вопросов, и притом быть как можно ближе к правде. Я их знаю. Много раз с ними бодался.

– Ты нас выручил. И всегда готов меня выручить, правда, Фрэнк?

– Мне никто еще не был так дорог...

– Кажется, я все-таки не хочу быть хищницей.

– Ты – моя малышка.

– Да, твоя глупенькая малышка. Ладно, Фрэнк. Теперь я буду тебя слушаться. Ты будешь мозгом, а я буду действовать. Я могу, причем хорошо. Мы отлично

поладим.

– Конечно.

– Не пора ли нам спать?

– А ты сможешь уснуть?

– Мы впервые спим в одной постели.

– Ты рада?

– Счастлива, просто счастлива.

– Ну, поцелуй меня перед сном.

– Как здорово, что я могу поцеловать тебя перед сном.

* * *

Утром нас разбудил телефонный звонок. Кора ответила, а потом вернулась ко мне, глаза у нее сияли.

– Угадай, что?

– Что?

– У Ника трещина в черепе. Он там останется, наверное, на целую неделю. Мы опять сможем спать вместе.

– Иди ко мне.

– Не сейчас. Нужно вставать. Пора открываться.

– Иди сюда, а то получишь тумака.

– Ах ты, паршивец!

* * *

То была счастливая неделя. После обеда Кора ездила в больницу, остальное время мы проводили вместе. Мы почти не закрывались, работали не покладая рук – и зарабатывали. Самым удачным оказался день, когда на трех автобусах прикатила сотня школьников, которые набрали кучу съестного для пикника, но мы и без того наварили немало. И можете мне поверить, кассовый аппарат работой не слишком нагружали.

Один раз я поехал с Корой, и когда она вышла из больницы, мы рванули на пляж. Там она надела желтый купальник и красную шапочку, и когда появилась в таком виде, я ее даже не сразу узнал. Она была как девочка. Только тогда до меня дошло, какая она еще молодая. Мы резвились на песке, потом отплыли от берега и качались на волнах. Мне нравилось лежать головой к волнам, а ей – ногами. Мы держались за руки. Я смотрел в небо. Кроме него, ничего не было. Я подумал о боге.

* * *

– Фрэнк!

– А?

– Он завтра возвращается. Ты понимаешь, что это значит?

– Понимаю.

– Теперь мне придется спать с ним, а не с тобой.

– Ну да... если только мы не уберемся отсюда до его возвращения.

– Я надеялась это услышать.

– Только ты, я и дорога.

– Ты, я и дорога...

– Просто двое бродяг.

– Зато мы будем вместе.

– Именно. Мы будем вместе.

* * *

На следующее утро мы стали собираться. Точнее, собиралась Кора. Я купил себе костюм – ну и теперь надел его, вот и все сборы. Кора складывала вещи в шляпную коробку. Закончив, протянула ее мне.

– Положи в машину, ладно?

– В машину?

– Мы разве не на машине поедem?

– Если не хотим провести первую же ночь в кутузке – лучше не стоит. Украсть у человека жену – еще куда ни шло, а вот украсть машину – уголовное дело.

– Ясно.

Мы вышли. До автобусной остановки было две мили, и нам пришлось искать попутку. Всякий раз, как проезжал автомобиль, мы застывали с поднятыми руками – на манер фигуры индейца перед табачной лавкой, – но никто не останавливался. Один мужчина легко поймает попутку, да и женщина тоже – если у нее хватит дурости туда сесть, – однако мужчина и женщина вдвоем шансов не имеют.

Когда мимо проскочило десятка два машин, Кора остановилась. Мы прошли где-то четверть мили.

– Фрэнк, я больше не могу.

– В чем дело?

– В этой дороге.

– С ума сошла? Ты просто устала. Послушай, побудь здесь, а я пойду поймаю машину прямо до города. Нам так и так туда надо. И все будет хорошо.

– Не в том дело. Я не устала. Я просто не могу – и все. Не могу.

– Кора, ты не хочешь быть со мной?

– Ты знаешь, что хочу.

– Возвращаться нам нельзя. Второй раз так уйти не получится, сама знаешь.

– Фрэнк, я тебе говорила, что я не бродяжка. Стоять тут, ждать, пока нас подвезут – для меня просто унижение, ничего больше.

– Я же сказал: найдем машину прямо до города.

– А дальше что?

– Приедем в город. Потом отправимся дальше.

– Не отправимся. Мы проведем ночь в отеле и начнем искать работу. И жить будем в лачуге.

– А тут у тебя – не лачуга?

– Это другое дело.

– Кора, ты позволишь себе сдать?

– Именно, Фрэнк. Я больше не могу. Прощай.

– Послушай меня одну минуту.

– Прощай, Фрэнк. Я возвращаюсь.

Она вцепилась в свою коробку. Я не хотел отдавать, говорил, что сам ей донесу, но она ее отняла. И пошла обратно.

Когда мы выходили, вид у нее был что надо: аккуратный голубой костюмчик, голубая шляпка. Теперь одежда измялась, туфли запылились, и даже идти ровно она не могла, так плакала. Я вдруг понял, что тоже плачу.

Глава 6

Я поймал попутку до Сан-Бернардино. Там рядом железная дорога, и я думал подсесть в какой-нибудь товарняк, идущий на восток. Но не подсел. В бильярдной встретил одного типчика, ну и решил его потрясти. Большого олуха господь просто не мог создать, а все потому, что у этого умника был друг, который, вишь ты, умел играть! Одна беда: другие-то играют и получше. Я проболтался с этой парочкой недели две, снял с них двести пятьдесят монет – все их сбережения – и решил побыстрее свалить из города.

Попросился в грузовик до Мехикали, а по дороге стал думать про эти двести пятьдесят долларов; с такими деньгами можно осесть где-нибудь на побережье и торговать хот-догами, пока не накопим денег, чтобы замахнуться на бизнес посерьезней. И тогда я слез и поймал попутку в Глендейл. Там я болтался по рынку, где Ник закупал провизию, надеясь встретить Кору. Я даже звонил ей раз-другой, но трубку брал грек, и мне пришлось делать вид, что я ошибся номером.

В промежутках между дежурствами на рынке я забредал в бильярдную поблизости. Однажды увидел там парня, который отрабатывал удары. За кий он хватался так, что сразу стало ясно: новичок.

Я пристроился за соседним столом. Рассуждал я вот как: если двухсот пятидесяти монет хватит на киоск с хот-догами, то, имея триста пятьдесят, мы будем как сыр в масле.

– Как насчет малость покатать шары?

– Да я не очень-то умею.

– Это ничего. Просто так, для разминки.

– Боюсь, мне с вами не тягаться.

– Со мной? Да я полный бездарь.

– Ну ладно. Если без ставок...

Мы начали играть, и я ему проиграл партии три-четыре – чтобы немножко подбодрить. И все качал головой, удивлялся, как так вышло.

– Ага, вам со мной не тягаться, как же! Шутить изволите. Нет, ей-богу, я могу и получше. Только вот никак не раскачаюсь. Может, сыграем по доллару – просто чтоб веселей пошло?

– Ладно. Доллар меня не разорит.

Мы поставили по доллару, и я опять продул – партий четыре или пять, а может, больше. За кий брался дрожащими руками, словно сильно нервничал, а в промежутках то и дело вытирал платком ладони, как будто они вспотели.

– Да, что-то я сегодня не в ударе. Как насчет пяти долларов? Я так скорее отыграюсь и приглашу вас выпить.

– Ну хорошо. Это ведь дружеская игра, мне ваши деньги не нужны. Давайте по пятерке – и на том покончим.

Я проиграл еще четыре или пять партий и держался так, словно у меня грудная жаба или еще какие хвори. Как будто я вот-вот отдам концы.

– Послушайте. У меня хватает ума сообразить, где мой класс, а где повыше. Давайте сыграем по двадцать пять, чтобы я мог быстро отыграться, и пойдем наконец выпьем.

– Это для меня многовато.

– Да бросьте! Вы ведь уже мои деньги ставите, разве нет?

– Ну ладно, хорошо. Давайте по двадцать пять.

И вот тогда-то я заиграл по-настоящему. Клал такие шары, что позавидовал бы любой чемпион. Я играл от трех бортов, боковики у меня выходили классные: мячи прямо летали вокруг стола, а еще я заказал перескок – и сделал!

Мой соперник бил так, что слепому впору. Мазал, посылал в лузу биток, путал лузы и даже ни разу не заказал дуплета. А когда мы закончили, у него остались и мои двести пятьдесят монет, и часы за три доллара, которые я купил, чтобы знать, когда поджидать Кору на рынке. Я игрок хороший, это точно. Но бывают и получше.

* * *

– Эй, Фрэнк!

Это был грек; я только вышел из бильярдной, а он уже спешил ко мне через улицу.

– Ну, Фрэнк, мошенник эдакий, куда ж ты удрал? И как раз, когда я зашиб голову и мне нужна помощь!

Мы обменялись рукопожатием. У Ника все еще была забинтована голова и взгляд слегка блуждал, но глядел он франтом: новый костюм, фиолетовый галстук, черная шляпа набекрень, коричневые туфли, на животе – золотая цепочка от

часов, в руке – большая сигара.

– А, Ник, старина, как здоровье?

– Я – отлично, прямо как новенький, а вот ты почему удрал? Я на тебя здорово разозлился, мошенник ты эдакий!

– Ты же меня знаешь, Ник. Я чуть поживу на одном месте – и опять бродить.

– Ну ты и нашел время бродить! А чем теперь занят? Ладно, брось, ничем ты не занят, мошенник эдакий, знаю я тебя! Пошли со мной; пока покупаю мясо, все тебе и расскажу.

– Ты один?

– Вот скажешь тоже, а кто же будет управляться в мотеле, если ты удрал? Конечно, я тут один. Мы с Корой только по одному теперь и ездим: один поехал, другому приходится работать.

– Ну что ж, пошли.

Примерно час Ник закупал мясо и непрерывно рассказывал: как у него треснул череп, и врачи сроду не видали такой трещины, и как туго ему пришлось с помощниками, которых после меня было двое, и одного он уволил на следующий же день, а другой сам свалил через три дня, прихватив все денежки из кассы, и он все бы отдал, только бы я вернулся.

– Знаешь, Фрэнк? Мы завтра едем в Санта-Барбару – я и Кора. Черт, нам ведь нужно изредка выбираться, а? Хотим посмотреть там фиесту[3 - Фие?ста – традиционный народный праздник, проводимый в странах Латинской Америки и Испании.], а ты – поехали с нами! Как тебе? Поедем вместе, потолкуем насчет того, чтобы тебе вернуться ко мне работать. Хочешь на фиесту в Санта-Барбару?

– Я слышал, там неплохо.

– Девушки, музыка, танцы прямо на улицах – шикарно. Поехали, Фрэнк, а?

– Даже не знаю...

– Кора осерчает, если узнает, что я тебя встретил и не привез. Она хоть перед тобой и задастся, но знает, что парень ты хороший. Поехали все втроем. Здорово повеселимся.

– О'кей. Раз уж она не против – договорились.

* * *

В закусочной сидело человек десять, а Кора была в кухне, спешно мыла тарелки, чтобы хватило для всех заказов.

– Эй, Кора! Гляди, кого я привел!

– Надо же! И откуда он взялся?

– Увидал его сегодня в Глендейле. Он едет с нами в Санта-Барбару.

– Привет, Кора! Как вы?

– Давненько вас тут не было.

Кора вытерла руку и протянула мне, и я пожал; ладонь у нее все же была скользкая. Она понесла заказы, а мы с Ником сели. Обычно он помогал ей управляться в зале, однако теперь ему не терпелось что-то мне показать.

Это оказался большой альбом, на первую страницу которого Ник поместил свой сертификат гражданства, потом свидетельство о браке, потом лицензию на ведение бизнеса в Лос-Анжелесе. Еще было его фото в греческой военной форме, фотография его и Кору в день свадьбы и целая куча газетных вырезок, посвященных несчастному случаю. Притом писали там не столько про Ника, сколько про кошку; впрочем, говорилось, что его привезли в больницу в Глендейле и что он поправится. Только в местной греческой газете про Ника написали больше, чем про кошку, и поместили его фото – той поры, когда он работал официантом.

Еще в альбоме были рентгеновские снимки. Где-то полдюжины, потому что их делали каждый день – проверяли, как идет выздоровление. Ник вырезал страницы в виде рамок, вложил снимки и заклеил, так что можно было смотреть их на свет. За снимками шли погашенные счета из больницы и аптеки. Этот удар по черепушке – хотите верьте, хотите нет, – обошелся ему ровным счетом в триста двадцать два доллара.

– Здорово, а?

– Шикарно. Все так нарядненько.

– Я, правда, тут еще не доделал. Раскрашу в красный, синий и белый. Гляди.

Ник показал мне разрисованные всякой разноцветной ерундой странички. Там были завитушки, раскрашенные красным, белым и синим. Над сертификатом гражданства он изобразил два американских флага и орла, над своей воинской фотографией – скрещенные греческие флаги и еще одного орла, а над брачным свидетельством – двух голубков на ветке. Что нарисовать на других страницах, он еще не придумал. Я посоветовал изобразить над газетными вырезками кошку, и чтоб от хвоста у ней летели красные, белые и синие искры. Ему это понравилось. Однако мою идею насчет индюка на странице с лицензией, держащего плакатик «Сегодня – распродажа», Ник не оценил, ну а объяснять ему не стоило.

Я наконец-то понял, почему он так разоделся и важничает, не подает сам еду, как раньше. Он получил травму черепа – а такая штука есть далеко не у каждого олуха. Он – как итальянец, когда тот откроет аптеку. Стоит макароннику заиметь бумажку с надписью «фармацевт» и красной печатью, он тут же напяливает серый костюм и жилетку с черным кантом и ходит весь такой важный. Недосуг ему и пилюли-то готовить, не говоря уж о фруктовой воде. Вот и этот грек потому же расфуфырился. В его жизни случилось важное событие!

* * *

Только перед ужином я застал Кору одну. Ник пошел умываться, а мы были в кухне.

– Ты обо мне думала, Кора?

– Конечно. Не могла же я сразу тебя забыть.

– Я много о тебе думал. Как ты тут?

– Я? Отлично.

– Я несколько раз звонил, но трубку брал он, и я побоялся с ним говорить. Я тут немного подзаработал.

– Надо же! Я рада, что у тебя налаживается.

– Заработал, а потом потерял. Думал, мы сможем начать бизнес...

– Кто бы знал, куда деваются деньги.

– Кора, ты правда обо мне вспоминала?

– Конечно.

– А по тебе не скажешь – так себя ведешь.

– По-моему, я себя веду как надо.

– А поцелуя для меня не найдется?

– Скоро садимся ужинать. Если собираешься умыться – не теряй времени.

И так постоянно. Целый вечер она меня не замечала. Ник притащил свое сладкое вино и спел уйму песен, и мы сидели втроем, а Кора держалась так, будто я просто бывший работник, которого она толком не помнит. Такого возвращения домой врагу не пожелаешь.

Настало время идти спать. Они поднялись к себе, а я вышел во двор – подумать: остаться здесь и попробовать начать с ней снова или свалить и постараться ее

позабыть.

Я немного прогулялся – не знаю, долго ли ходил и далеко ли ушел, однако чуть погодя услышал, как они ругаются. Я быстро пошел обратно. Кора вопила как бешеная, что я должен уйти. Ник мямлил, что лучше мне остаться и работать, пытался ее утихомирить, а она все кричала. В моей комнате, где, как она думала, я был, я бы все отлично слышал, но и на улицу доносилось немало.

Вдруг все прекратилось. Я тихонько прошел в кухню, стоял там и слушал. Но так как был весь на взводе, то слышал только, как стучит мое собственное сердце: бум-бум, бум-бум. Станный звук, подумал я и тут же понял, что рядом бьется еще одно сердце.

Я включил свет.

Кора стояла в кухне одетая в красный шелковый халатик, бледная, как мел, с длинным тонким ножом в руке, и смотрела на меня. Я протянул руку и забрал нож. Она заговорила шепотом, похожим больше на змеиное шипенье.

– Зачем тебе понадобилось возвращаться?

– Я не мог иначе.

– Ничего подобного. Я бы перетерпела. Забыла бы тебя. А тебе приспичило вернуться. Тебе – будь ты проклят! – приспичило вернуться!

– Что ты собиралась перетерпеть?

– То, для чего он сделал альбом. Он хочет показывать его своим детям! И теперь ему их подавай. Хочет ребенка прямо сейчас!

– Почему же ты не ушла со мной?

– Зачем мне идти с тобой? Чтобы ночевать в товарных вагонах? Чего ради идти? Скажи!

Я не мог ответить. Я думал про свои двести пятьдесят монет, но какой смысл хвастаться, что вчера у меня были деньги, а сегодня их нет, потому что мне захотелось выиграть еще.

– Ты беспутный! Совершенно беспутный. Ну почему ты не убрался и не оставил меня в покое, а опять сюда явился? Почему ты от меня не отвяжешься?

– Послушай. Насчет детей – запудри ему мозги, а тем временем попробуем что-нибудь придумать. Да, я беспутный, но я люблю тебя, Кора. Клянусь.

– Клянешься – а что делаешь? Он везет меня в Санта-Барбару, я должна согласиться на ребенка, а ты... ты едешь с нами! Будешь ночевать в том же отеле, где и мы. Ехать с нами в одной машине. Ты просто...

Она замолчала, и мы уставились друг на друга. Втроем в одной машине – мы оба сообразили, к чему это может привести. Потихоньку мы придвигались все ближе, пока не соприкоснулись.

– Господи, Фрэнк, неужели нет другого пути?

– Есть, а как же. Ты только что собиралась воткнуть в него нож.

– Нет, Фрэнк, не в него. В себя.

– Кора, так уж суждено. Мы пробовали по-другому.

– Не могу, чтобы дети у меня были сальными греками. Просто не могу. Я готова родить только от тебя. Жаль, что ты такой никчемный. Ты славный – но никчемный.

– Никчемный, зато люблю тебя.

– И я тебя люблю.

– Запудри ему мозги. Хотя бы на одну эту ночь.

– Ладно, Фрэнк. На одну ночь.

Глава 7

Путь извилист и неведом

В те желанные края,

Где под белым лунным светом

Льется песня соловья.

Долго ждать бессонной ночью

Исполнения мечты, –

Чтобы вместе на рассвете

В путь пустились я и ты[4 - Ник и Фрэнк поют популярную песню времен I
Мировой войны. – Примеч. пер.].

– А они здорово веселятся, да?

– На мой взгляд, даже слишком.

– Не позволяйте им садиться за руль, мисс. И все обойдется.

– Надеюсь. Никакой радости ехать с этими двумя пьяницами, но куда деваться?
Я сказала, что не поеду, так они собрались и без меня.

– Они себе шеи сломают.

– Именно. Пришлось мне сесть за руль. Ничего другого я не придумала.

– Да, иногда приходится крепко подумать, прежде чем делать. Доллар
шестьдесят за бензин. Масла не нужно?

– Думаю, нет.

– Спасибо, мисс. Хорошего вечера.

Кора опять уселась за руль, а мы с Ником продолжали распевать. Это входило в план. Я должен быть пьяным, поскольку прошлая попытка меня научила: идеальное убийство мы не потянем. А дело предстояло такое простенькое, что и убийством-то не назовешь. Это будет обычная авария: два пьяных парня продолжают накачиваться в машине – ну и все такое прочее.

Когда я начал пить, грек, конечно, присоединился, поэтому теперь уже дошел до нужной кондиции. Мы нарочно остановились заправиться, чтобы у нас был свидетель, который подтвердит: Кора была трезвая и не хотела с нами ехать. Потому-то ей пить и не пришлось.

А еще до того нам обломилось немного удачи. Как раз перед самым закрытием, около девяти, у нас перекусывал один тип, и он потом стоял на дороге и видел весь спектакль. Как я пытался завестись. Как мы спорили с Корой насчет того, что мне, такому пьяному, нельзя садиться за руль. Как она вышла и сказала, что не поедет. Как я пытался уехать с Ником – и не смог. Еще он видел, как Кора заставила нас вылезти и снова сесть в машину, только Ник теперь оказался на переднем сиденье, а я на заднем. Потом она села за руль и сама повела. Этого свидетеля звали Джефф Паркер, у него кроличья ферма в Энчино. Когда он был в закусочной, предложил нам попробовать подавать крольчатину и дал свою визитную карточку, так что мы знали, где его найти, когда понадобится.

Мы с греком исполнили и «Улыбнись, улыбнись», и «Мама, милая», и «Ручей у старой мельницы» и скоро подъехали к указателю на пляж Малибу. Кора свернула туда.

По-хорошему ей нужно было ехать прямо. К пляжу вели две дороги. Одна подальше от океана – по ней-то мы и ехали вначале, – другая, вдоль побережья, была от нас по левую руку. У Вентуры эти дороги сходятся и ведут вдоль берега к Санта-Барбаре, Сан-Франциско и дальше. По нашему плану, Кора ни разу не видевшая Малибу, где живут всякие кинозвезды, захотела проехать вдоль побережья, посмотреть, а оттуда уже направиться в Санта-Барбару. На самом деле это затевалось потому, что там была самая скверная дорога во всей округе, и аварией на ней никого не удивишь, даже копов. Стояла ночь, машин почти не

попадалось, вокруг ни домов, ни другого жилья, что отлично подходило нашим целям.

Ник ничего не замечал. Мы проехали небольшой летний поселок на озере Малибу; там в клубе вовсю танцевал народ, а по озеру катались на лодках парочки. Я их громко приветствовал. Ник подхватил. Мне до них дела не было, просто хотелось лишний раз на пути засветиться, на случай, если станут проверять.

Начался первый подъем, длиной мили где-то три. Я заранее научил Кору, как вести машину. Почти все время мы ехали на второй передаче. Отчасти из-за того, что каждые пятьдесят футов дорога круто изгибалась, и ей все равно пришлось бы переключаться. А отчасти для того, чтобы мотор нагрелся. Мы хотели все предусмотреть, ведь вопросов будет немало.

Потом Ник увидел, что за окном темнота, и ни черта нет, кроме гор, – ни домов, ни огней, ни заправок, вообще ничего, – сразу очухался и начал возмущаться.

– А ну, давай, давай! Поворачивай! Черт, мы заблудились!

– Ничего не заблудились! Я знаю, куда еду. Это дорога на пляж Малибу. Ты забыл? Я говорила, что хочу заехать.

– Едь потише!

– Я и так тихо еду.

– Едь совсем тихо! А то еще убьемся.

Мы одолели подъем и начали спускаться. Кора заглушила мотор. При выключенном вентиляторе он и так быстро греется. В конце спуска снова его завела. Я посмотрел на указатель температуры – почти зашкаливал. Пока машина шла в гору, температура поднялась еще.

– Так точно, сэр!

Это был наш условный сигнал. Услышав такую фразу, никто не заподозрит неладное. Кора съехала с дороги. Рядом лежал глубоченный овраг – такой, что и дна не видно. Футов пятьсот, наверное.

– Пусть мотор немного остынет.

Ник воскликнул:

– Ого, Фрэнк! Гляди-ка на градусник!

– С-скоко там?

– Ого! Того и гляди закипит!

– Пуссь его кипит!

Я поднял гаечный ключ, который приготовил заранее. Но как раз в это время вдали показались огни. Пришлось ждать, пока машина проедет.

– Давай, Ник, споем!

Ник осмотрел пустынную местность. Настроения петь у него, видно, не было. Он открыл дверь и вылез. Мы сидели и слушали, как его рвет. И как раз в это время проехала та машина. Я посмотрел на номер, чтобы он отпечатался в мозгу. И расхохотался. Кора обернулась ко мне.

– Отлично! Пусть запомнят картину: когда они проезжали – оба парня были живехоньки.

– А ты номер запомнил?

– Два-эр, пятьдесят восемь, ноль один.

– Два-эр, пятьдесят восемь, ноль один. Два-эр, пятьдесят восемь, ноль один. Все. Я теперь не забуду.

– Хорошо.

Появился Ник. Ему как будто стало лучше.

– Слыхали?

– Что?

– Когда вы смеялись... Эхо. Тут шикарное эхо.

Ник выпустил высокую трель. Он не пел, а просто взял высокую ноту, как на пластинках Карузо. Потом оборвал ее и стал прислушиваться. И правда, скоро она вернулась и оборвалась.

– Похоже?

– В точности как ты, приятель.

– Ей-ей! Здорово!

Он постоял минут пять, испуская трели и прислушиваясь. Раньше-то Ник не знал, как звучит его голос. Он радовался, словно обезьяна, впервые увидавшая себя в зеркале.

Кора смотрела на меня. Настало время действовать. Я изобразил пьяное негодование:

– Как-кого черта? Нам што, делать нечего, как слушать всю ночь твои вопли? Давай залазь. Поехали.

– Пора ехать, Ник.

– О'кей, о'кей.

Он залез в машину, но тут же высунулся в окно и испустил еще одну трель.

Я расставил ноги, и, пока он не выпрямился, ударил гаечным ключом. Голова треснула, я почувствовал, как пробил ее. Он обмяк и свалился на сиденье, согнувшись, – так кошка сворачивается клубочком.

Пока Ник перестал дышать, прошла, казалось, целая вечность. Кора издала странный всхлип, перешедший в стон. Потому что в этот миг эхо вернуло его голос. Оно взяло такую же высокую ноту, и так же вибрировало, и так же оборвалось.

Глава 8

Мы не разговаривали. Что делать – Кора знала. Она перелезла на заднее сиденье, а я – на переднее. Я посветил фонариком на гаечный ключ. На нем было немного крови. Я откупорил бутылку вина и стал лить на ключ, пока не смыл кровь. И облил вином Ника. Потом обтер о его сухой рукав ключ и отдал Коре. Она положила его под сиденье. Тогда я намочил вином и рукав, стукнул бутылку об дверь и бросил рядом с Ником. Завел машину. Немного проехав, включил вторую передачу. Сбросить машину здесь я не мог. Нам предстояло спуститься следом, а если здесь так глубоко, можно и покалечиться. Я медленно ехал на второй до места, где овраг поднимался и был уже не глубже пятидесяти футов. Я съехал к обрыву, поставил ногу на тормоз и взялся за ручник. Как только переднее правое колесо повисло в воздухе, я затормозил. Машина встала. Этого я и добивался. Зажигание по плану выключать не следовало, однако мотор должен был заглухнуть – пока мы делаем то, что нужно.

Мы вылезли. Шагнули сразу на асфальт, чтобы не оставлять следов. Кора протянула мне камень и обрезок доски. Я положил камень под задний мост. Камень как раз подошел, ведь я заранее выбрал какой нужно. На камень я положил доску и попробовал наклонить машину. Она качнулась, но осталась на месте. Я приналег еще. Машина качнулась чуть сильнее. Я вспотел. Торчим здесь у машины с трупом, – а если мы не сможем ее перевернуть?

Я опять налег; теперь ко мне присоединилась Кора. Мы поднатужились. Еще раз поднатужились. И вдруг машина перевернулась и полетела, вращаясь, в овраг с таким грохотом, что слышно было, наверное, за милю.

Фары светились, но машина не взорвалась. Это был опасный момент. Взорвись она – зажигание-то работало, – и как тогда объяснить, почему мы тоже не сгорели?

Я толкнул камень и скатил его в овраг. Взял доску, вернулся к дороге и просто бросил ее, прямо там: по всей дороге валялись такие деревяшки, упавшие с грузовиков, – вот и еще одна. Я ее заранее подержал на проезжей части, и она вся была в следах от шин.

Я вернулся, взял Кору на руки и стал спускаться. Это я проделал из-за следов. Мои-то следы значения не имели. Скоро здесь будет полно отпечатков мужских ботинок, идущих вниз. А следы от острых каблучков должны идти только в одном направлении – на случай, если захотят проверить.

Я опустил Кору на землю. Машина лежала на боку посередине спуска. Ник был внутри, только теперь на полу. Треснувшая бутылка застряла между ним и сиденьем, и пока мы на все это смотрели, булькнула еще раз.

Верх у машины помялся, крылья погнулись. Я попробовал, открываются ли двери. Это было важно, так как я собирался залезть внутрь и порезаться стеклом, пока Кора бежит наверх и зовет на помощь. Двери открывались легко.

Нужно было придать Коре потрепанный вил, и я занялся ее блузкой – начал отрывать пуговицы. Кора смотрела на меня, и глаза ее казались не голубыми, а черными. Она задышала быстрее и почти прижалась ко мне.

– Разорви ее!

Я схватился за блузку и дернул, и она разошлась спереди, обнажив ей грудь.

– Ты порвала ее, когда вылезала из машины. Зацепилась за ручку.

Мой голос звучал как-то странно, как будто шел из граммофона.

– А вот это – ты не помнишь, откуда. – Я размахнулся и изо всех сил ударил ее в глаз. Она упала. Она лежала у моих ног; глаза у нее сверкали, грудь вздымалась, торчащие соски, казалось, смотрели на меня. Из моего горла

вырвалось рычание, словно я превратился в зверя, язык вдруг перестал умещаться во рту, и в нем дико пульсировала кровь.

– Да, Фрэнк, да!

Я не помню, как оказался рядом. Разверзлись под нами ад, я бы и не заметил. Я должен был овладеть ею, пусть и ценою жизни.

И я овладел ею.

Глава 9

Несколько минут мы лежали словно пьяные. Стояла тишина; было слышно, как в машине продолжает булькать вино.

– Что теперь, Фрэнк?

– Трудный путь, Кора. Тебе придется постараться – уже сегодня. Уверена, что справишься?

– Теперь я все смогу.

– Копы возьмутся за тебя как следует. Постараются расколоть. Ты готова?

– Кажется, да.

– Наверное, тебе что-нибудь предъявят. Хотя вряд ли – с таким количеством свидетелей, как у нас. И все равно, думаю, попробуют. Может, пришьют непредумышленное и посадят на год. Надеюсь, этим все и кончится. Выдержишь?

– Если ты будешь меня ждать.

– Буду.

– Тогда выдержи.

– Обо мне сейчас не думай. Я пьян. Они сделают тесты – и убедятся. Я буду нести всякую околесицу – нарочно, чтобы они разозлились. Так мне больше поверят, когда я все расскажу на трезвую голову.

– Я запомню.

– И ты на меня злишься. За то, что напился. И вообще – все это из-за меня.

– Да, я поняла.

– Значит – все.

– Фрэнк!

– Да?

– Еще одно. Мы должны любить друг друга. Если мы любим, все остальное неважно.

– А мы любим?

– Ладно, я скажу первая. Я люблю тебя, Фрэнк.

– Я люблю тебя, Кора.

– Поцелуй меня.

Я поцеловал ее и прижал к себе, и тут увидел на холме за оврагом свет автомобильных фар.

– Давай на дорогу. У тебя все получится.

– У меня получится.

– Просто зови на помощь. Ты еще не знаешь, что он погиб.

– Да.

– Ты выбралась из машины, упала, поэтому так испачкалась.

– Да. Прощай.

– Прощай.

Она побежала на дорогу, а я бросился вниз. И вдруг вспомнил, что на мне нет шляпы. Меня найдут в машине, и шляпа должна быть там же. Я ползал вокруг в ее поисках, а автомобиль на шоссе все приближался. Ему оставалось два или три поворота, а я еще не отыскал шляпы и не наставил себе отметин.

Тогда я плюнул и побежал к машине. И на полдороги споткнулся о шляпу. Схватил ее и прыгнул в салон. Но не успел я залезть полностью, как машина перевернулась прямо на меня, – а дальше я ничего не помню.

* * *

Потом я лежал на земле, а вокруг бегали и суетились люди. Левую руку пронизывала такая боль, что я то и дело вскрикивал; и спина была не лучше. В голове раздавался какой-то рев, который то нарастал, то пропадал. Земля, казалось, куда-то уходила из-под меня, и меня тошнило. Я был не в себе, и все же мне хватило ума перекатиться по земле. Я помнил, что одежда у меня сильно испачкана, и тому требовалась причина.

Потом я услышал скрежет, потом меня везла «Скорая». Рядом сидел коп; над моей рукой колдовал доктор. Я на время отключился. Из руки текла кровь, а ниже локтя она была согнута, как надломленная ветка. Перелом. Когда я опять пришел в себя, доктор все еще над ней склонился, а я вспомнил про позвоночник и попробовал пошевелить ногой – проверить, не парализовало ли меня. Нога двигалась.

Из забытья меня вывел скрип. Я огляделся – на соседних носилках лежал грек.

– Эй, Ник!

Мне не ответили.

Вскоре машина остановилась, и Ника выгрузили. Я ждал, что вытащат и меня – но нет. Значит, он и вправду умер. Теперь уж не придется пудрить ему мозги, как в прошлый раз, сваливать все на кошку. Да, в больнице выгрузили бы нас обоих. А если забрали только его – это морг.

Мы поехали дальше, потом остановились, и меня вынесли. Уложили в носилках на каталку и отвезли в комнату с белыми стенами. Там стали готовить к операции. Вкатили аппарат для наркоза, и тут вышла заминка. Появился судебный врач, и здешние доктора стали возмущаться. Я понял, в чем дело. Требовалось взять пробу на алкоголь. После наркоза пробу уже не взяли бы, а это самое важное. Судебный врач дал мне подуть в стеклянную трубку. Внутри было что-то похожее на воду, когда я подул – оно пожелтело. Он еще взял кровь в пробирку и другие анализы. И мне дали наркоз.

* * *

Я проснулся в постели, уже в палате, с головой, обмотанной бинтами, и рукой, пристегнутой ремнем. Спина была вся заклеена пластырем, и я едва мог шевельнуться. В палате сидел коп, читал газету. У меня адски болела голова, да и спина тоже, руку простреливало. Через некоторое время пришла сестра и дала мне таблетку; я уснул.

Проснулся я около полудня, и мне принесли поесть. Пришли еще два копа, уложили меня на носилки и погрузили в больничный фургон.

– Куда мы едем?

– На дознание.

– Дознание... Это ведь бывает, когда кто-то погиб, да?

– Именно.

– Я так и боялся, что они погибли.

– Не оба.

– Кто?

– Мужчина.

– А. А женщина сильно покалечилась?

– Не очень.

– Плохи мои дела, верно?

– Ты бы, приятель, поосторожней. Здесь-то не страшно распускать язык, а вот все, что скажешь в суде, может потом тебе сильно аукнуться.

– Это точно. Спасибо.

Мы остановились перед похоронным бюро, и меня внесли внутрь. Кора, порядком потрепанная, была уже там. Блуза, которую ей, видно, одолжили, топорщилась на ней, словно набитая сеном. Костюм и туфли были в пыли, подбитый глаз заплаыл. Кору сопровождала надзирательница. За столом сидел коронер[5 - Ко?ронер – в Великобритании и США специальный судья, который расследует смерти, произошедшие при необычных или подозрительных обстоятельствах.], рядом с ним – помощник, а может, секретарь.

В сторонке в окружении полицейских стояло с полдюжину парней, чем-то очень недовольных. Это и были присяжные. Толклась тут и целая толпа зевак, которых полиция старалась оттеснить подальше. Хозяин похоронного бюро ходил взад-вперед на цыпочках и предлагал всем стулья. Принес он стулья и Коре с надзирательницей.

В углу на столе лежало нечто, накрытое простыней.

* * *

Меня развернули, как им было удобно, коронер постучал по столу карандашом и начал разбирательство.

Сперва провели формальное опознание. Когда подняли простыню, Кора заплакала, да и я не сильно радовался. После того, как она посмотрела, я посмотрел и присяжные посмотрели, простыню опустили.

– Вы знаете этого человека?

– Это мой муж.

– Как его зовут?

– Ник Пападакис.

Потом пригласили свидетелей. Полицейский рассказал, как его вызвали на место происшествия, а он вызвал «Скорую помощь» и выехал с двумя другими полицейскими, как отправил Кору в служебной машине, а меня и Ника в «Скорой», как Ник умер по дороге, и его завезли в морг.

Потом какой-то деревенщина, Райт по фамилии, рассказал, как он ехал по дороге и услышал крики женщины, и еще услышал грохот, и увидел кувыркающуюся вниз машину с горящими фарами. Затем увидел на дороге Кору, которая махала руками и звала на помощь, и спустился к машине и попробовал вытащить меня и Ника. Вытащить не смог, потому что мы были снизу, под машиной, и тогда он послал своего брата, ехавшего с ним, за подмогой. Позже появились другие люди и полиция, и полицейские взялись за дело, нас вытащили из-под машины и погрузили в «Скорую».

Следом выступил брат Райта и подтвердил его рассказ.

Потом полицейский врач сказал, что я был пьян, и Ник был пьян – это выяснили по содержимому его желудка, – но Кора была трезвая. Еще врач рассказал, от каких повреждений скончался Ник. После этого коронер обратился ко мне и спросил, буду ли я говорить.

– Да, сэр, наверное.

– Должен предупредить, что любое ваше заявление может быть использовано против вас, поэтому вы имеете право молчать.

– Мне скрывать нечего.

– Хорошо. Что вам известно о случившемся?

– Я помню только, как ехал. Потом машина стала уходить куда-то вниз, я обо что-то ударился и больше ничего не помню. Очнулся в больнице.

– Говорите, вы ехали?

– Да, сэр.

– Вы подразумеваете, что вели машину?

– Да, сэр. Я вел.

Это как раз и была басня, от которой позже я намеревался отказаться, – когда мои слова будут действительно важны, не то что здесь, на дознании. Я рассудил так: если вначале рассказать бредовую историю, а потом дать другие показания – то вот они-то и будут выглядеть правдиво. А если сразу выложить складную байку, то она покажется слишком уж складной.

Я решил действовать не как тогда, в первый раз. С самого начала я старался изображать, что дела мои плохи. Но поскольку на самом-то деле машину вел не я, то меня ни в чем и не обвинят, как бы скверно я ни выглядел. Я боялся другого: что сюда приплетут нашу неудавшуюся попытку «идеального убийства». Всплыви какая-нибудь мелочь, и нам конец. А так – можно валить все на себя, хуже не будет. Чем больше я виноват по части выпивки – тем меньше подозрений на преднамеренное убийство.

Копы переглянулись, а коронер посмотрел на меня, как будто я рехнулся. Все ведь знали, что меня выковыривали с заднего сиденья.

– Вы уверены? Именно вы были за рулем?

– Точно.

– Вы пили?

– Нет, сэр.

– Вам известны результаты ваших тестов на алкоголь?

– Не знаю я никаких тестов, знаю только, что не пил ничего.

Он взялся за Кору. Она пообещала рассказать, что ей известно.

– Кто вел машину?

– Я.

– Где находился этот человек?

– На заднем сиденье.

– Он пил?

Она отвела взгляд, сглотнула и пустила слезу.

– Я должна отвечать?

– Можете отказаться отвечать на любой вопрос, если вам угодно.

– Я не хочу отвечать.

– Как пожелаете. Расскажите нам сами, что произошло.

– Я вела машину. Дорога долго шла вверх, и двигатель перегрелся. Муж сказал, чтобы я остановилась, дала ему остыть.

– Насколько он перегрелся?

– Датчик почти зашкаливал.

– Продолжайте.

– Затем дорога пошла вниз, и я заглушила мотор, но в конце спуска он был еще горячий, и перед тем, как начать подъем, мы остановились. Простояли, наверное, минут десять. И я снова завела мотор. Не знаю, что случилось, но мотор не тянул, и я переключилась на вторую передачу. А потом я вдруг почувствовала, как машина накренилась, перевернулась и покатилась вниз. Потом, помню, я пыталась выбраться – и выбралась, – и пошла к шоссе.

Коронер повернулся ко мне.

– Вы что, пытаетесь выгородить эту женщину?

– Она-то меня не больно выгораживает.

Присяжные посовещались и вынесли вердикт, что потерпевший Ник Пападакис погиб в результате автомобильной аварии, произошедшей на дороге к озеру Малибу частично или полностью вследствие нашего с Корой преступного поведения, и дело следует передать на рассмотрение Большого жюри[6 - Большое жюри – в США коллегия присяжных заседателей, которая определяет обоснованность и целесообразность предъявления кому-либо официальных обвинений.].

* * *

Ночью у меня в палате дежурил другой коп, а утром он сказал, что ко мне придет мистер Сэкетт, и нужно подготовиться.

Меня, буквально неспособного шевелиться, кое-как побрили, чтобы я выглядел поприличней. Я знал, кто такой этот Сэкетт – окружной прокурор. Явился он где-то в половине одиннадцатого; полицейский вышел, и мы остались вдвоем. Сэкетт был крупный тип, лысый и держался запросто.

– Так, так, так... Как самочувствие?

– Я в порядке. Хотя потрянуло основательно.

– Как сказал один парень, выпав из самолета: полетал здорово, а вот с посадкой оплошал.

– Точно.

– Итак, Чемберс, если не захотите говорить – можете не говорить, но я пришел отчасти посмотреть, как вы тут, отчасти потому, что знаю по опыту: откровенный разговор помогает впоследствии сберечь нервы, а иногда и выбрать правильную линию защиты. В любом случае это, как говорится, путь к взаимопониманию.

– Разумеется, сэр. Так что вы хотели узнать? – Я старался говорить с хитрецей.

Сэкетт окинул меня внимательным взглядом.

– Давайте начнем с самого начала.

– Про эту поездку?

– Именно.

Он встал и начал прохаживаться. Дверь была рядом с моей кроватью, и я распахнул ее. Коп стоял дальше по коридору и болтал с медсестрой.

Сэкетт расхохотался.

– Никаких диктофонов. Мы же не в кино!

Я глуповато ухмыльнулся. Я его сделал! Прикинулся недоумком – и дал ему почувствовать надо мной превосходство.

– Видать, я свалил дурака, сэр. Ладно, начну с самого начала и все расскажу. Я здорово влип, но если врать – мне же будет хуже.

– Очень верно рассуждаете, Чемберс.

Я рассказал, как смотался от грека, а потом мы столкнулись на улице, и он звал меня обратно и даже пригласил поехать с ними в Санта-Барбару. Рассказал, как Ник запасся вином в дорогу, и как мы отъехали.

Сэкетт меня перебил:

– Так, значит, вы вели машину?

– А может, вы мне скажете, кто вел?

– Вы это о чем, Чемберс?

– Я ведь слышал ее показания. Слышал, что говорили полицейские. Знаю, где меня нашли. Стало быть, знаю, кто вел. Она. Но если уж рассказывать все, как я помню, так приходится сказать, что за рулем был я. И коронеру я не врал. Мне все-таки помнится, что вел я.

– Вы солгали, что не были пьяны.

– Да, верно. Тогда из меня хмель еще не выветрился, да и от наркоза я не отошел – вот и соврал. Теперь-то я в своем уме и понимаю: только правда меня спасет – если это вообще возможно. Конечно, я был пьян. В стельку.

– В суде вы то же самое скажете?

– Придется. Но вот чего я не могу понять, это – почему вела она? Я же сам сел за руль. Я точно знаю. Помню, там еще торчал какой-то тип, и он надо мной потешался. Как же она оказалась за рулем?

– Вы проехали всего-то пару шагов.

– В смысле – пару миль?

– Пару шагов. А потом она вас прогнала и села сама.

– Да-а... Вот это я набрался!

– Ну в подобные вещи присяжные могут поверить. История достаточно дурацкая, чтобы быть правдой. Да, наверное, поверят.

Сэкетт молчал и разглядывал свои ногти, а я едва сдерживал улыбку. Когда он стал опять задавать вопросы, я только обрадовался – обдурить-то его оказалось легко!

– Когда вы начали работать у Пападакиса?

– Зимой.

– И долго у него пробыли?

– Месяц назад ушел. Может, полтора.

– То есть проработали полгода?

– Где-то так.

– А чем до того занимались?

– О, шатался повсюду.

– На попутках? В товарных вагонах? Перебивались чем придется?

– Да, сэр.

Он расстегнул папку, выложил на стол пачку бумаг и начал просматривать.

– Во Фриско бывали?

– Родился там.

– В Канзасе? Нью-Йорке? Новом Орлеане? Чикаго?

– Везде побывал.

– А в тюрьме – приходилось?

– Был, сэр. Когда скитаешься туда-сюда, проблемы с копами возникают часто. Да, сэр, я бывал в тюрьме.

– И в Тусоне?

– Да. Кажется, десять дней мне там дали. Посягательство на собственность железной дороги.

– Солт-Лейк-Сити? Сан-Диего? Уичито?

– Да, сэр, везде.

– Окленд?

– Три месяца. Подрался с охранником на вокзале.

– Вы его хорошенько отделали, да?

– Ну, как говорится, этому здорово наподдали, да вы второго не видали. Я и сам как следует получил.

– Лос-Анджелес?

– Разок. И только три дня.

– Чемберс, почему вы вообще нанялись к Пападакису?

– Случайно вышло. Я был на мели, зашел к нему чего-нибудь перехватить, а он предложил работу – я и согласился.

– Чемберс, вам самому-то не смешно?

– О чем это вы, сэр?

– Столько лет болтались там и сям, никогда толком не работали, даже, насколько я вижу, не пытались, а тут вдруг осели, устроились на постоянную работу.

– Да я сам не в восторге был. Пришлось.

– Но вы остались.

– Ник... он был один из самых лучших людей, кого я только встречал. Когда я поднакопил денег, хотел ему сказать, что с меня довольно, однако духу не хватило – у него вечно проблемы с работниками. А потом, когда он попал в больницу, я удрал. Просто удрал – и все. Он, конечно, такого не заслужил, но ноги у меня неугомонные. Я просто потихоньку свалил.

– А затем вы вернулись, – и на следующий день он погиб.

– Вы меня совсем расстроили, сэр. Пускай я говорил перед присяжными другое, но вам-то я объясняю – мне теперь сдается, что я немало виноват. Не будь я там в тот день, не выставь его на выпивку, может, он сейчас был бы жив. Понимаете, может, этого вообще не случилось бы. Я накачался под завязку и не знаю, что там было. Опять же, не будь в машине двух пьяных, его жена, наверное, вела бы лучше, так ведь? Вот вам мое мнение.

Я смотрел на него, пытаюсь понять – купился он или нет? А он на меня даже не смотрел. И вдруг, вскочив, схватил меня за плечо.

– Хватит, Чемберс! Почему ты проторчал у Пападакиса полгода?

– Сэр, я не понимаю...

– Понимаешь! Я ее видел, Чемберс, и я знаю, почему ты остался! Она была у меня вчера – потрепанная, глаз подбитый, – и все равно ого-го! Ради такой многие парни бросили бы бродяжить, неугомонные у них ноги или нет.

– Я все же ушел, сэр. Так что вы ошибаетесь.

– Ушел, да ненадолго. Как-то слишком хорошо все складывается, Чемберс. Вчера – простое дело о пьяном вождении и причинении смерти по неосторожности, а теперь – и этого нет. Куда я ни повернусь – кругом свидетели, и если сложить все показания, впору и дело закрывать. Брось, Чемберс. Вы с этой женщиной убили грека, и чем скорее ты во всем признаешься, тем тебе же будет лучше.

Тут, скажу я вам, мне стало не до улыбок. Губы у меня онемели, я хотел заговорить, но не смог выдать ни слова.

– Ну чего молчишь?

– Вы под меня копаете – и это не к добру. У вас что-то скверное на уме. Мне нечего сказать.

– Несколько минут назад ты тут соловьем разливался, нес ерунду, что тебя только правда спасет. Почему же теперь замолчал?

– Вы меня совсем запутали.

– Хорошо, давай по порядку, чтобы ты не путался. Для начала – ты спал с этой женщиной?

– Ничего подобного.

– А как насчет той недели, когда Пападакис был в больнице? Где ты тогда спал?

– В своей комнате.

– А она – в своей? Брось, говорю же, я ее видел. Да я бы к такой пришел, даже если бы пришлось выломать дверь, а потом болтаться в петле за изнасилование. И ты бы пришел. И ты пришел!

– Я об этом даже не думал!

– А как насчет ваших поездок в Глендейл – на рынок? Чем вы занимались по пути домой?

– Ник сам нас туда посылал!

– Я не спрашиваю, кто вас посылал. Я спрашиваю, чем вы занимались.

Нужно было срочно выкручиваться, а все, что мне приходило в голову, могло только ухудшить положение.

– Ладно, допустим. Этого не было, но раз вы говорите, допустим, вы правы. Так вот – если мы с ней уже были любовники – чего ради нам убивать Ника? Боже правый, слышал я о ребятах, которые убили бы, чтобы заполучить женщину, но никогда я не слышал, чтоб убивали ради того, что уже имеешь.

– Да? Так я скажу, чего ради вы его убили. Одна небольшая причина – его мотель, за который он выложил четырнадцать тысяч. И еще пустячок, который очень удобно взять с собой, отправляясь в свободное плавание. Маленькая такая страховочка от несчастного случая на десять тысяч долларов, весьма своевременно оформленная Пападакисом.

Его лицо я еще мог разглядеть, а вот все прочее как-то расплывалось, и я уже боялся что навернусь прямо там, на койке. Потом я увидел перед носом стакан с водой, который протягивал мне Сэкетт.

– Выпейте. Легче станет.

Я попил. Пришлось.

– Знаете, Чемберс, я думаю, это последнее убийство, к которому вы приложили руку, но если вам выпадет случай совершить еще одно, то, бога ради, держитесь подальше от страховых компаний! Каждый случай они расследуют в пять раз дольше, чем могу себе позволить я. И сыщики у них в пять раз лучше, чем я могу нанять. Свое дело они знают превосходно, и теперь они у вас на хвосте. Это их хлеб. Вот тут-то вы с ней и дали маху.

– Сэр, убей меня бог, да я только теперь и узнал про страховку.

– Но вы побледнели.

– А вы бы не побледнели?

– Как насчет того, чтобы с самого начала привлечь меня на вашу сторону? Скажем, полное признание, согласие с обвинением, и я делаю все, что в моих силах. Прошу о снисхождении для вас обоих.

– Не пойдет.

– А чушь, которую вы мне тут наплели? Насчет правды, и что перед жюри нужно говорить как на духу? Думаете, подобный бред – пойдет? Думаете, я его поддержу?

– Не знаю, что вы там поддержите. К черту все. Вы говорите за себя, а я – за себя. Я не убивал и на том и буду стоять. Вам понятно?

– Решили сыграть в упрямство? Ладно, получайте сполна. Я вам скажу, что услышат присяжные. Прежде всего – вы с ней спали, так? Затем с Пападакисом происходит несчастный случай, и вы прекрасно проводите время. Ночью – в одной постели, днем – на пляже, а в промежутках держитесь за ручки и любуетесь друг на друга. И вот вас посещает заманчивая мысль. Коль скоро с ним произошел несчастный случай, нужно убедить его оформить страховку, а потом – прикончить. Вы сбегаете и даете ей шанс все уладить. Миссис Пападакис быстренько обработала мужа. Бедняга оформил страховку, очень хорошую: от несчастных случаев, и заболеваний, и всего прочего. А вы тут как тут. Прошло два дня – и Фрэнк Чемберс совершенно случайно сталкивается на улице с Ником Пападакисом, а Ник уговаривает его вернуться на работу. Как раз в то время – надо же! – Кора и Ник Пападакис собрались ехать в Санта-Барбару,

даже номер в гостинице зарезервировали и все такое прочее, и поэтому, конечно, ничего не остается, как взять Фрэнка Чемберса с собой. Вы поехали, подпоили грека и сами выпили. Пару бутылок сунули в салон – пусть полиция увидит. И отправились по дороге мимо озера, чтобы миссис Пападакис могла полюбоваться пляжем. Ну чем не прекрасная мысль. Время – одиннадцать ночи, а она едет посмотреть домики на пляже!

Только туда вы не доехали. Остановились по дороге. И пока стояли, стукнули грека по голове одной из бутылок. Очень удобная штука, чтобы врезать по башке, – и кому, как не вам, Чемберс, это знать, потому что именно так вы оглушили того охранника в Окленде. Потом вы завели двигатель и, пока ваша сообщница вылезала на подножку, затормозили ручником. На второй передаче это нетрудно. Когда миссис Пападакис выбралась на подножку, настала ее очередь держать руль, а вам – вылезать. Но вы же были немного пьяны, верно? Вы действовали слишком медленно, а она торопилась увести машину с дороги. И вот она спрыгнула, а вы не успели. Думаете, присяжные не поверят? Поверят – потому что я докажу каждый шаг: от поездки на пляж до ручного тормоза. И вам, молодой человек, не видать никакого снисхождения. Вас ждет веревка, и похоронят вас вместе с другими такими же болванами, которым не хватило разума использовать свой шанс на сохранение головы.

– Ничего такого не было. Ну насколько я знаю.

– Что вы пытаетесь сказать? Переводите стрелки на нее?

– Я ни на кого не перевожу стрелки. Оставьте меня в покое. Ничего подобного не было.

– Откуда вам знать? Вы ведь напивались в стельку?

– Насколько мне известно, этого не было.

– Хотите сказать, все сделала она одна?

– Я такой чуши не утверждаю. Я сказал только то, что сказал.

– Послушайте, Чемберс, в машине вас было трое: вы, она и грек. Грек, дураку ясно, этого не делал. Если и вы не делали, остается она, разве нет?

– Кто вообще решил, что все случилось не само собой?

– Я. И теперь мы подходим к следующему. Возможно, вы говорите правду. Вы утверждаете, что ни при чем, и допускаю, так и есть. Но если вы не лжете и эта женщина для вас только жена приятеля и не более, тогда вам следует что-нибудь предпринять, верно? Вам нужно подать на нее заявление.

– Какое еще заявление?

– Если она убила грека, то хотела убить и вас. Нельзя оставить ее безнаказанной. Вас просто не поймут. Такое спустит только кретин. Она убивает мужа ради страховки, пытается убить и вас, – нужно что-нибудь предпринять, так?

– Ну да, если бы она и вправду пыталась. Но я же этого не знаю.

– Если я докажу, вам придется подписать заявление, договорились?

– Конечно. Попробуйте.

– Хорошо, я докажу. Когда машина стояла, вы из нее выходили?

– Нет.

– Вот как? Я думал, вы были совершенно пьяны и ничего не помните. А вы уже второй раз что-то припоминаете. Удивляюсь.

– Я просто не помню, чтобы я выходил.

– Выходили. Вот послушайте показания свидетеля: «Машину я плохо разглядел, только заметил женщину за рулем и мужчину в салоне, который смеялся, когда мы проезжали, и другого мужчину; он стоял рядом с машиной, и его тошнило». Значит, на несколько минут вы выходили. Тогда-то она и ударила Пападакиса бутылкой. А когда вы сели в машину, то ничего не заметили, поскольку были

пьяны. Вы сели на заднее сиденье и тоже вырубилесь, а миссис Попадакис на второй передаче съехала с обочины, спрыгнула с подножки и пустила машину вниз.

– Ну и где тут доказательство?

– Доказательство имеется. Свидетель Райт утверждает, что когда он подъехал, ваш автомобиль катился вниз, а женщина уже выбежала на дорогу и звала на помощь.

– Значит, успела выскочить.

– Тогда удивительно, что она прихватила сумочку. Чемберс, разве женщина может вести машину и держать в руке сумку? А если она выпрыгивает из машины, то просто не успеет ее прихватить. Нельзя выпрыгнуть из автомобиля, когда он катится вниз. Когда автомобиль перевернулся, ее там не было. Вот вам доказательство, понятно?

– Не знаю.

– Что теперь вы намерены делать? Заявление подпишете или нет?

– Нет.

– Послушайте, Чемберс, автомобиль съехал в овраг не случайно. Спасти смогли лишь один из вас, и она явно не планировала, что это будете вы.

– Оставьте меня в покое. Я вообще вас не понимаю.

– Ситуация все та же: вы или она. Если вы ни при чем, лучше подпишите. А не подпишете – мне все станет ясно. Присяжным тоже. И судье. И парню, который будет надевать на вас петлю.

Сэкетт пристально посмотрел на меня, затем вышел и вернулся с каким-то типом. Тот сел и заполнил бумагу, Сэкетт передал ее мне.

– Вот здесь, Чемберс.

Я подписал. Руки у меня так вспотели, что помощнику Сэкетта пришлось промокнуть документ.

Глава 10

Когда Сэкетт ушел, вернулся полицейский и намекнул насчет перекинуться в очко. Мы сыграли несколько партий, но я никак не мог сосредоточиться. Видно, играть одной рукой – не по моей части, ну я и бросил.

– А он тебя допек, верно?

– Есть немного.

– Сэкетт упертый, точно. Любого достанет. На вид-то прямо проповедник братской любви и милосердия, но сердце у него – камень.

– Верно, камень.

– В этом городке только один человек может его одолеть.

– Да ну?

– Один парень, Кац. Ты про него слыхал.

– Еще бы не слыхал.

– Мой приятель.

– Неплохо иметь такого приятеля.

– А то. Тебе адвоката сейчас не полагается. Пока не предъявят обвинение, ты его требовать не можешь. Тебя имеют право продержать сорок восемь часов и никого к тебе не пускать – инкоммуникадо[7 - Инкоммуникадо (исп.

incomunicado – изолированный) – человек, лишенный связи с внешним миром.] называется. Но его-то я к тебе пропущу, смекаешь? Коли я с ним потолкую, он, может, и согласится заглянуть.

– Хочешь сказать, ты с ним в доле?

– Хочу сказать, мы с ним приятели. Если бы он со мной не делился, было бы не по-приятельски, верно? Кац – парень что надо. Только он и может уделать этого Сэкетта.

– Ладно, действуй. И чем быстрее – тем лучше.

– Скоро вернусь.

Коп ненадолго ушел, а когда вернулся – подмигнул. Довольно скоро в дверь постучали, и явился Кац: мелкий типчик лет сорока с черными усами и потасканным лицом.

Первое что он сделал, как вошел, – достал кисет с «Настоящим даремским курительным табаком» и коричневую бумажку и скрутил себе сигарету. Потом зажег ее, докурил до половины и на том – все. Она болталась у него во рту, а горела или нет, да и сам он спал или нет, я так и не понял. Этот Кац просто развалился в кресле, перекинув одну ногу через подлокотник, – шляпа на затылке, глаза полузакрыты.

Может, он и подремывал, но все равно казалось, что он знает намного больше, чем те, кто не спит, и в горле у меня встал ком. Словно, как поется в песне, прилетела ангельская колесница, чтобы забрать меня домой.

Коп таращился, как Кац сворачивает сигаретку, с таким видом, словно тот был известным акробатом, который должен сделать смертельное сальто. Выходить из палаты ему явно не хотелось, однако пришлось.

Когда мы остались одни, Кац сделал мне знак начинать. Я рассказал, как мы попали в аварию, и теперь Сэкетт шьет нам убийство грека ради страховки и заставил меня подписать заявление против Кору, что якобы она и меня хотела убить. Кац выслушал, помолчал некоторое время. Потом поднялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Энчиладос – традиционное блюдо мексиканской кухни, которое представляет собой тонкую лепешку из кукурузной муки, в которую завернута начинка (мясо или овощи).

2

Рессора (фр. ressort – пружина) – упругий элемент подвески транспортного средства, который служит для смягчения ударов и колебаний кузова в процессе движения, обеспечивая комфортную езду.

3

Фие?ста – традиционный народный праздник, проводимый в странах Латинской Америки и Испании.

4

Ник и Фрэнк поют популярную песню времен I Мировой войны. – Примеч. пер.

5

Ко?ронер – в Великобритании и США специальный судья, который расследует смерти, произошедшие при необычных или подозрительных обстоятельствах.

6

Большое жури – в США коллегия присяжных заседателей, которая определяет обоснованность и целесообразность предъявления кому-либо официальных обвинений.

7

Инкоммуникадо (исп. incommunicado – изолированный) – человек, лишенный связи с внешним миром.

Купить: https://tellnovel.com/ru/keyn_dzheyms/pochtal-on-vsegda-zvonit-dvazhdy-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)